

Л.В. Никитинский: «Журналистика уходит туда, где есть свобода»

Начну с небольшого вступления.

Был эпизод, когда Михаил Сергеевич Горбачев и Дмитрий Муратов первый раз ходили к президенту Медведеву. Это был, наверное, год 2009, в самом начале его президентства. Вдруг Медведев их пригласил. Визит не освещался в печати, но Муратов мне потом разрешил это использовать, в том числе в книге. Когда встреча уже заканчивалась, Муратов у Медведева спросил: «А что у нас со свободой слова, Дмитрий Анатольевич?» На что был дан очень интересный ответ, заставляющий задуматься: «Технически все свободны», - сказал Медведев.

Как это понимать? Это был еще промежуточный этап. Сегодня все хуже. В тот момент наши руководители мыслили систему так, что «технически все свободны». Вот здесь мы подсыплем денежек: хотите – прибегайте сюда и работайте за денежки. Но технически вы свободны, вы можете говорить что угодно, но работать бесплатно – вот и вся поляна.

Та славная ситуация долго не продлилась, потому что, как я буду говорить сегодня, ошибка тех, кто управляет государством и пытается управлять нами, состоит в том, что они не понимают разницы между СМИ и журналистикой. Потому что да, конечно, СМИ – это вещь материальная и потому зависимая. Ими можно манипулировать. В том числе сегодня Муратов не пришел на Круглый стол по той причине, что вчера нам объявили, что аренда повышается в семь раз, и он пошел к Собянину, чтобы решать этот вопрос. Технически ты свободен – только тебе аренду в семь раз поднимут.

На самом деле, можно воздействовать на СМИ, но крайне трудно воздействовать на журналистику. Потому что журналистика – это, скорее, мышление, это рефлексия. То есть карты журналистики и СМИ не совпадают. Пока они подсыпали в кормушку в одно место, журналистика

ушла в другое место, она ушла, в том числе, в Интернет, в блоги, но там она проявляется весьма своеобразно. Проявляет, может быть, свои не лучшие качества, в том числе безответственность и хамство. Потому что все-таки то, что называется традиционными СМИ, они как-то организуют, там есть какая-то редакция. Но журналистика уходит туда, где есть свобода.

Поэтому то, что мы видим на последнем этапе, и то, о чем сегодня, наверное, надо говорить, - это попытки нас затолкать куда-то в яму, вытеснить уже средствами не экономическими, а внеэкономическими. Это безумные запреты, которые Дума штампует, совершенно с нами не советуясь и ни о чем не думая. Есть и многочисленные факты. Это ТВ-2 – Томск, и «Дождь», и по предупреждению - у «Новой и «Эхо». То есть нас просто начали забивать мерами внеэкономического принуждения.

...Года два с половиной назад я попросил у Муратова паузу, чтобы написать книгу о философии журналистики. Она называется «Завтрашний номер». Эту книгу рекламировать не буду – ее уже нет физически, и ее надо сильно переписывать, потому что с тех пор очень сильно изменился ландшафт.

Когда я Муратову говорил: «Я хочу месяца на два затихнуть и попробовать осмыслить, чем мы, собственно, занимаемся», он как-то с большой прохладцей к этому отнесся. Я его очень хорошо понимаю, потому что уже тогда было ощущение войны. Вот уже последний бой, и надо бежать в штыковую или надо лезть в окоп отстреливаться, а ты сел на пеньке и рефлексируешь.

Но, собственно говоря, рефлексия – это и есть суть нашей профессии. Иногда это получается быстро и хорошо. Иногда это получается быстро и плохо. Но то, чем мы занимаемся, - это не есть просто сбор каких-то фактов. Это рефлексия. Мы не зеркало, надо разрушить эти стереотипы. Журналистика не отражает состояние общества прямо. Если мы и зеркало, то

зеркало очень сильно искривленное. Потому что каждый из нас ангажирован так или иначе как минимум какими-то своими убеждениями.

Это очень важная тема. Собственно, я вокруг этого буду все время вертеться. Потому что ангажирована не только государственная пропаганда, но и мы тоже представляем собой некоторого рода независимую пропаганду, существуем внутри своего мифа. На мой взгляд, хороший журналист – это тот, кто это понимает, отдает себе в этом отчет и готов жертвовать своими убеждениями в пользу фактов, но никак не наоборот.

Теперь я перейду к определению нашей профессии, к тому, что такое журналистика. Но сначала еще об одной метафоре. На мой взгляд, ни одна другая метафора не принесла столько вреда журналистике, как метафора «четвертой власти».

Я начинал свое журналистское поприще (правда, уже в зрелом возрасте) в журнале «Крокодил». Было у меня такое удостоверение, и сейчас хранится дома на память. Красивая красненькая, кожаная корочка. Написано: «Крокодил». Оно открывало любые двери, в том числе гостиничных ресторанов, где никогда не было мест. Оно давало такое ощущение могущества. Потому что если я с этим удостоверением «Крокодила» куда-то приезжал, то это почти автоматически означало, что кто-то получит выговор, будет снят с работы и т.д.

Это было ощущение власти. Мне оно не нравилось. Но сегодня многие из нас по этой власти скучают. Мы говорим: нет действенности журналистики, мы пишем – ничего не происходит. Но если бы мы хотели, чтобы что-то происходило, я думаю, что мы пошли бы работать на НТВ. «Анатомия протеста» по телевизору показали – вот все уже сидят, вот как действительно!

На самом деле я думаю, ни тогда, ни сейчас никакой власти у журналистики нет. Это власть чужая, она отраженная. Тогда это была власть ЦК КПСС, и, по крайней мере, был понятен механизм, по которому и журнал

«Крокодил», и секретарь обкома, и директор завода подчинялись одному центру. Сегодня эта власть менее внятна, но она все равно сосредоточена не у нас, а в другом месте. Это все встроено в один сценарий. В том числе, как судебный журналист я печалюсь о том, что в этот сценарий встроены и суд. Сценарий заранее написал, и передача НТВ, а затем суд – это все кем-то где-то сочиненный спектакль. И вот все это склеилось – и спектакль сыгран.

Мы, наверное, хотим совсем не этого. Мы хотим нормальной журналистики, чтобы она действовала через механизмы демократии, как она сегодня действует, скажем, в Германии, где Меркель и хотела бы санкции не применять к России, но она этого сделать не может, потому что есть общественное мнение, есть пресса, и она вынуждена на них идти.

Я просил бы от этого могущества мне оставить только одно, что чрезвычайно важно, что надо обсуждать, чего сегодня нет. Это право требовать ответа. Вся моя власть журналиста состоит только в том, и на этом я настаиваю, чтобы со мной разговаривали. В то время, когда мы начинали работать (многие из здесь присутствующих), представить себе то, что происходит сегодня, было просто нельзя.

Я с этим столкнулся впервые лет семь назад, когда возбудили уголовное дело на главного редактора «Новой в Самаре» Сергея Курт-Аджиев. Я туда приехал, всех обзвонил: прокуратуру, следственный комитет, ментов. Прямых контактов никто не дает. Все секретарши говорят: да-да, сидите в гостинице, ждите, сейчас позвоним-позвоним-позвоним. Пройти никуда нельзя – везде стоит охрана. И в результате через три дня я уехал – со мной никто не стал разговаривать вообще.

Вот тут я уже перестаю быть журналистом, потому что минимальная власть, делающая меня таковым – это все-таки власть требовать какого-то разговора. А они выработали такую технологию защиты: вообще ничего, ни слова, не говорить на всякий случай. Это к вопросу о гласности, которая

предполагает как минимум право задавать вопросы и получать ответы, если речь идет о какой-то важной информации для общества.

Но тем не менее все мы ощущаем, что у нас какая-то власть все-таки есть. Почему-то люди с нами разговаривают, хотя часто мы им неприятны. И любой практикующий журналист знает эту власть: почему-то человек все-таки начинает отвечать на вопросы. Правда, это сильно зависит от репутации – и от репутации издания, и от репутации журналиста. Попробуем теперь понять, откуда она берется, что является основой этой власти, достаточно призрачной, но все-таки власти журналиста.

Теперь к определению профессии. Если я отказался от этих, так сказать, инструментов могущества, то кто я, зачем я вообще, что я делаю, зачем я написал гору всего? Можно обклеить, наверное, этот зал моими газетными заметками, а толку что?

Размышляя об этом, я пришел к выводу, что я историк. Журналист – это «первоисторик». Его функция, страшно ответственная, заставляющая все время следить за собой, все время стараться быть не ангажированным – это немедленно отрефлексировать происходящее. Это очень сложно, потому что мы в гуще событий, мы должны это сделать, прямо не отходя от горнила этой самой истории.

Это опять же только расхожее выражение, что история расставит все по своим местам. Потому что история все расставит так, как мы сегодня записали, и никак иначе, никаких других источников у истории не будет. В этом есть и большой соблазн, но в этом есть и преимущество. При Иване Грозном историю еще можно было переписать, потому что там было сложно фиксировать факты, и каналы распространения были достаточно ограничены. А сегодня в результате развития технических средств фиксируется почти все, и это меняет ситуацию и видение истории.

Сегодня война ведется в городах. У каждого в этом городе есть мобильный телефон. Там все снимается и фиксируется. Это невероятное

количество доказательств, хотя их очень трудно разгребать. Но рано или поздно это будет все равно будет расставлено по местам.

Схватка, которая сегодня ведется между нами и теми, кто пытается нас закрыть, задушить - это схватка за историю, как эта история будет написана послезавтра или даже завтра. И развитие чисто технических средств дает нам надежду на то, что все-таки победа будет за нами. Потому что факты, факты, факты, они уже зафиксированы и никуда не денутся.

Теперь еще один тезис, который очень важно понимать, прежде чем я перейду к следующему. Мне недавно попала (кто-то мне в фейсбуке прислал) интервью Михаила Лотмана. Это сын Юрия Лотмана, где-то он сидит в Эстонии. По-моему, на «Радио свобода» было у него очень интересное интервью, которое называлось «Искренность лжецов». Вот что мы должны понимать. Лотман говорит: а как так получилось, что сразу после перестройки, в каком-то 90-м году, вся Россия стала антисоветчиками? Как это вдруг? Все были советские люди, потом – раз и наоборот? Или в Германии в 46-м году все были антифашистами. А как вообще у Зюганова в голове укладываются, скажем, Сталин и Христос. Ведь так нельзя помыслить, но так и соврать невозможно – вот что я хочу подчеркнуть. Чтобы так соврать – надо так думать. То есть они так думают.

И мы же не можем им запретить думать так, как они думают. Это они нам хотят запретить думать так, как думаем мы. А мы говорим: нет, мы либералы в этом смысле. Ты имеешь право так думать. Я пытаюсь тебя переубедить. Но процесс переубеждения идет обычно очень медленно.

Есть какой-то очень узкий слой, который колеблется между двумя контурами, о которых я сейчас буду говорить. И за него идет борьба. Но в какой-то момент этот процесс вдруг приобретает лавинообразный характер. И к этому тоже мы должны быть готовы.

Теперь я хочу остановиться на проблеме, которая, на мой взгляд, сегодня является наиболее болезненной. Я ее называю проблемой замкнутых контуров, которые лишают смысла журналистику как коммуникацию.

В числе многочисленных фейков, связанных с войной, которые всем известны, есть особенно яркий. Михаил Леонтьев по телевизору выступает с такой фотографией или схемой и говорит: вот истребитель, который сбил этот самый злосчастный малазийский Боинг. В тот же вечер выясняется, что это не то время года, не та местность, не тот истребитель, вообще все не то. И человек, который ему это прислал, говорит: да я не для того ему прислал, а просто посоветоваться, а он сразу – бах, и об этом как о факте.

Многие из тех, кто здесь присутствует, Михаила Леонтьева хорошо помнят по прежним годам, когда он работал в газете «Сегодня». Во всяком случае про него нельзя сказать, что он не профессионал. Он профи. У меня один вопрос: как профи может не проверить такую информацию? Элементарно проверяется. Потратить 20 минут и не выдавай в эфир вранье.

Я вижу причину в том, что Леонтьев разучился, отвык от мысли, что надо что-то доказывать. Ну а молодые журналисты, которые с ним работают, даже про это и не знают, что информацию надо проверять из нескольких источников. Им не за это платят.

И вот мы начинаем кричать: не работает механизм репутации, ай-ай-ай. На самом деле механизм репутации очень даже работает, но он работает внутри своего информационного контура, внутри своей референтной группы.

Здесь я прихожу к очень печальному выводу. Не знаю, с ним, конечно, можно спорить. Я надеюсь, с этим здесь кто-нибудь будет спорить, но мне кажется, что Интернет не только не способствовал консолидации общества, но, наоборот, способствовал разобщению. Эти самые масс-медиа, внутри которых есть слово «медиа», - в переводе: проводник. Но они из проводника или полупроводника превращаются в изолятор. Потому что что представляет сегодня с субъективной точки зрения информационная картина? Каждый из

нас сидит у себя в фейсбуке, там есть «френды», которые думают так же, как вы, а есть какие-то чуждые ребята, которые грубиянят, и вы их «баните». В результате каждый сидит в своем информационном контуре, и они в принципе не пересекаются почти никак, а если они краями соприкасаются, тут начинается война без всяких попыток друг друга понять.

То есть на общенациональном уровне нет коммуникации. Все-таки раньше, когда, условно говоря, я работал в газете «Комсомольской правде», и тираж был 22 млн. экземпляров, все читали одно и то же. Это могло кому-то нравиться, кому-то не нравиться, но все прочли и «Комсомолку», все прочли и знаменитое письмо Нины Андреевой в «Советской России» (опять же возвращаясь к Горбачеву). И это обсуждалось всеми. Тогда, по крайней мере, обсуждалось одно и то же.

Сегодня такое ощущение, что в разных контурах обсуждаются просто разные вещи, они существуют независимо друг от друга. Я не вижу, как эту проблему разрешить.

Дальше я перехожу к очень важной вещи. Фильм «Левиафан», который породил огромное количество споров, в какую болевую точку попал, на мой взгляд? Левиафан отсылает к Гоббсу, к его понятию «войны всех против всех», это, по Гоббсу, естественное состояние, когда нет не только закона, нет и морали.

У Льва Гудкова я встретил очень интересную мысль о том, что в нашем обществе сейчас существует множество этик. Своя этика есть у Леонтьева с его фейком, своя этика есть у Кадырова, своя этика есть у нас, своя этика есть у Стрелкова. И эти этики, соответствующие каким-то контурам, не объединяются общей моралью, не соединяются. Объединить их нельзя, но они должны быть соединены какой-то моралью. А она распалась.

И вот здесь мысль, которая мне кажется страшно важной. Хотя она очень сложна, я попытаюсь ее упростить. Мераб Мамардашвили, опять же соученик Михаила Сергеевича, скорее, друг его покойной супруги, у него

есть замечательная работа «Вильнюсские лекции, социальная метафизика». С философской точки зрения, нормальное состояние – это хаос. И в обществе тоже нормальное состояние - это раздраз, война всех против всех. Это и есть норма. А у порядочности есть чудо, вообще непонятно, на чем она держится. Почему мы все продолжаем существовать и друг друга не поубивали?

Мамардашвили говорит: это возможно благодаря мускулам культуры. Мускулы культуры представляют из себя мораль, право. И здесь, на мой взгляд, чрезвычайно важна журналистика. То есть она относится к тому же самому ряду. Это системообразующая, важнейшая для общества вещь. Функция журналистики – обеспечить нормальную коммуникацию, какие-то переговоры. Этого, к сожалению, сегодня не существует.

Я хочу сформулировать некоторые предложения для людей, которые здесь присутствуют из старой гвардии, и для молодых, для тех, кто верит в то, о чем я говорю. И, собственно говоря, мы только таких людей сюда и звали. Эти предложения у меня оказались в середине, а не в конце.

Предложения состоят в следующем. Мы с Сергеем Пархоменко, когда обсуждали, как, что здесь говорить, о чем, вспоминали Московскую хартию журналистов 94-го года. Был принят еще целый ряд документов. «Гильдия судебных репортеров» тоже декларацию принимала. Есть во всем мире такие же документы, они общеизвестны. И все это у нас сегодня совершенно не работает.

Что делать? Первая мысль: давайте новую Хартию подпишем или старую. Разницы нет – они все одинаковые. И принципы журналистики – типа «выслушай вторую сторону» - абсолютно понятны. Они не соблюдаются, но они понятны. С этим все время сталкивается Общественная коллегия по жалобам на прессу. Мы слушаем жалобу музея «Пермь-36» на НТВ. Все понятно, нет второй стороны, не поймешь, откуда взято. Но НТВ не пришло на это слушание, ему наплевать на нас. Что делать?

Хартию можно подписать, а можно ее и не подписывать. Я бы предложил обсудить идею Клуба. Может быть, это наивно. Чем хорош Клуб? Тем, что Клуб, во-первых, позиционируется как элитарный. В Клубе можно обсуждать любые интересующие нас проблемы. Он может собираться где угодно. Потому что большое раздражение вызывает, скажем, позиционирование его как Клуба Союза журналистов. Но пускай это будет какой-то другой Клуб. Завтра мы можем собраться в «Новой газете», послезавтра – еще где-то. И клуб хорош тем, что из него можно исключить, наконец. То есть или ты соблюдаешь эти принципы, или ты не член Клуба.

Сейчас я постараюсь уже заканчивать, потому что я уже сказал то, что собирался сказать в конце, но оказалось в начале. Но еще некоторые принципиальные подходы, то, что, мне кажется, чрезвычайно важным.

Соотношение журналистики и так называемых СМИ. Почему эта тема очень важна, и я ее предлагаю первой темой нашего Клуба. Потому что СМИ – это бизнес, а журналистика – это не бизнес. И это есть фундаментальный антагонизм. Это такой же антагонизм, как в человеке антагонизм души и тела. Он в каждый исторический момент разрешается как-то по-своему. Сейчас Муратов поехал к Собянину его разрешать в очередной раз. Но это антагонизм фундаментальный.

Мне кажется, что вообще на сегодняшний день очень важно деконструировать сам термин СМИ. Потому что, во-первых, ему нет аналогов в других языках мира. Везде это называется масс-медиа, но это совершенно другое на самом деле. Это, скорее, публичный проводник. Я бы так перевел. А средства массовой информации – оказывается, это было какое-то постановление ЦК КПСС и Совмина 50-х годов. Называлось оно «О средствах массовой информации и пропаганды». Пропаганда потом отрезалась, а она-то все и объясняет.

Сегодня «СМИ» не являются массовыми, о чем я только что говорил. Потому что каждое существует в своем контуре. Есть такая присказка, что

граждане России бóльшую часть информации получают из центральных каналов телевидения. Это говорят социологи. Давайте посмотрим, какая информация в этом телевизоре есть. Там отношение к реальности, может быть, имеет только какой-нибудь матч - Арсенал – Манчестер Юнайтед. Но даже не Спартак-Динамо, потому что вместо Спартака-Динамо мы уже видим какие-то фейки. И мы понимаем, что нам кто-то морочит голову. Все остальное – это сериалы про ментов, или это пропаганда. То есть там нет информации как таковой.

Вместо информации мы сегодня имеем чудовищное слово «контент». Потому что когда мы раньше говорили о содержании, то было понятно, что речь идет о чем-то содержательном. Когда мы говорим: «контент», - то нам представляются такие канализационные трубы, по которым нечто ползет, просто какой-то наполнитель.

Мы сейчас с «Альянсом независимой прессы» второй год проводим исследования этого самого контента. Тут нужны профессиональные социологи. На это денег нет. Но как-то худо-бедно мы пытаемся понять, чем наполнены провинциальные газеты. Сегодня как раз наши эксперты сидят каждый у себя в пяти регионах и сплошь мониторят все текстовые СМИ, сайты и газеты. Ставят галочки по определенной методике. В прошлом году это не совсем получилось. Но в целом картина нам понятна и так.

Что такое провинциальная пресса? На первой полосе – портрет губернатора, на второй полосе – пять пресс-релизов. В конце могут занимать четыре-шесть полос кроссворд, спорт, светская жизнь – очень анекдотическая в провинции, полезные советы, сад и огород, в середине какой-то криминал – отрезанная голова. Содержания как такового нет, человека там нет. Там все это исчезло.

Наш эксперт Светлана Шайхитдинова – замечательный доктор философских наук из Казана – в прошлом году все это смотрела и считала. Она вывела такую формулу, что власть обозначается в СМИ как «состояние

магического присутствия». Такой-то поехал, уехал, сказал, что сказал – неважно, важно, что он присутствует в информационном пространстве. И это создает ощущение стабильности у обывателя. Цену этого ощущения мы видели только что, когда Путин на неделю исчез. А все остальное – это наполнитель. И это на самом деле чудовищное состояние. В провинциальной прессе это довольно понятно и выглядит смешно. Но то же самое на центральных каналах. Если мы присмотримся – это все «наполнитель» и «магическое присутствие».

В прошлом же году, в марте, примерно в это же время мы в Совете по правам человека попытались сделать для президента такие рекомендации о журналистике, в том числе мы написали: предлагаем вести систематический мониторинг за этим самым контентом, за содержанием российских СМИ. Это предложение неожиданно вызвало гневную отповедь со стороны замминистра связи и массовых коммуникаций Алексея Волина. Он что-то так взбеленился, никто другой не ответил, а он ответил: нет, ни в коем случае этого делать нельзя, потому что это предложение «означает вмешательство в редакционную политику», типа, свободных СМИ.

То есть давайте вдумаемся. Чтение газеты, а мониторинг – это и есть систематическое чтение, - это, по его мнению, вмешательство в редакционную политику. Не закрытие газеты, а нельзя ее систематически изучать. Чего он так перепугался? Именно того, что он прекрасно понимает, что контента никакого нет, только эта ерунда. А на это дело, на содержание региональных СМИ по нашим подсчетам, по подсчетам региональных экспертов, только из региональных бюджетов (причем большинство этих регионов – это банкроты по существу) тратится 32 млрд.рублей в год. По центральным СМИ сложнее считать, но там будет еще больше, конечно.

Господин Волин, что мы за эти 32 млрд. имеем? Мы имеем некие симулякры СМИ, которые никто не читает, это, условно говоря, такая всероссийская «парламентская газета», которая как бы есть, но только ее

никто никогда не читает и никому она не нужна. Вот на что вы ушли эти 32 млрд. Может быть, даже их не воруют, а просто они растрочены.

Причем самое ужасное, конечно, то, что все довольны. Я с этим столкнулся в Краснодаре, где эта система действует уже 20 лет. Они там пионеры так называемых «договоров об информационном обслуживании». Все очень довольны, все к этому привыкли. Есть договоры об информационном обслуживании, все газеты на них висят, телевидение на них висит. Кто склонен писать что-то свое, тех уже унесло в Интернет. Они там в соответствии с принципом «технически все свободны» что-то делают, их там иногда сажают, как Сергея Резника в Ростове.

Потому что еще Светлана Шайхитдинова заметила очень интересный феномен – такие взбесившиеся честные люди. Этот ростовский Резник, с которым я встречался, - он такой. Но бьется головой о стену. Ему все время говорят: нет, нет, ты ничего не доказал, ты дурак. И он уже в неистовстве начинает хамить. Мы видим эти феномены в Интернете. Людей просто выводят из себя, и появляется такой своеобразный журналист-хам.

Когда мы придумывали сегодняшнюю встречу, хотели пригласить журналистов из разных возрастов и разных кустов. Потому что еще очень мешает снобизм. Каждый из нас сидит у себя в редакции, к другим относится так: вот это они, а это мы. Есть такой куст, как хипстерская журналистика. Так бы я назвал ее, она сейчас очень распространена. Там есть такая стратегия - уйти от острых тем и заняться типа велосипедными прогулками. Прекрасно писать, отличным стилем про велосипедные прогулки. Это не опасно, это весело, это читают.

Такая еще есть стратегия помимо пропаганды. Я ни в коем случае это не осуждаю. Это, во всяком случае, возможность не врать и как-то зарабатывать себе на жизнь. Но все-таки, на мой взгляд, это не то что не журналистика, но это не сильно журналистика. Потому что все-таки журналистика должна быть оппозиционна. Она оппозиционна по

определению, потому что журналист реагирует на болезнь. Нам неинтересно писать о том, что суды принимают правильные решения. Вот когда они принимают неправильные решения – об этом надо писать. И так это устроено во всем мире. Этому не понимают власть имущие.

Поэтому я предлагаю помыслить некую карту журналистики, в которой в одном месте ее больше, а в другом месте ее меньше. Причем эту поляну мы должны увидеть в целом. В этом поле совершенно равноправны не только профессиональные газеты. Есть симулякры, которые как бы газеты, но их там на самом деле нет. А здесь же есть блогеры, которые совершенно новое явление и они совершенно равноправны в этой поляне с профессиональными СМИ. Но у профессиональных газет есть свои заморочки, у телевидения – тем более, связанные с материальной базой. У блогеров есть свои заморочки, связанные с тем, что они в основном комментируют чужие сообщения, а сами факты не добывают, у них нет для этого аппарата и нет аппарата проверять эти факты.

Я вам набросал какие-то общие тезисы. Главный из них состоит в том, что журналистика происходит не в СМИ, и вообще понятие «СМИ» надо разрушить. Из этого трехчлена имеет смысл только слово «средства». Но, если средства, то правомерен вопрос: чьи?

Известна цитата Алексея Волина, который толкует про дядю. Я не буду повторять полностью, на факультете журналистики он вдруг сказал, поучил: «Не надо думать, что надо улучшать мир, вы работаете на дядю, дядя вам платит». Кто же этот дядя? Выясняется, что этот дядя – прежде всего государство. Но на самом деле есть всякие другие «дяди». Но СМИ и журналистика (еще раз) – это разные вещи. Журналистика есть процесс мышления, рефлексии, она абсолютно идеалистична, она привязана, как душа привязана к телу, к этим СМИ, но и не более того. Хотя это заставляет нас все время оглядываться, осторожничать, выбирать какую-то политику,

чтобы не подставить собственную материальную базу, тело. Но тем не менее журналистику можно мыслить только так, как живую душу.

Обещал сегодня прийти Павел Гусев – не пришел. Не знаю, по какой причине. Но у него было такое предложение, что надо создавать субъект лоббирования наших общих журналистских интересов. Ведь что произошло после того, как мы в Совете по правам человека направили Путину эти рекомендации по СМИ, в которых, в том числе, просили его встретиться с журналистами. Он с ними встретился через три дня. Вы не поверите, он встретился с журналистами. Это были Сунгоркин, Габрелянов, Кулистиков и иже с ними. Они журналисты, а не мы. А мы-то хотим сказать, что нет, это мы журналисты, а не они.

На этом я и закончу. Сверхидея состоит в том, чтобы объединить все-таки единомышленников, переступить через свой снобизм и попытаться организовать какой-то центр лоббирования в виде Клуба, Хартии или чего бы то ни было.